

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / THEORY OF ECONOMICS

УДК 330.101.5:001.8
JEL: B52, B59, O1

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682>

Научная статья

А. И. ВОЛЫНСКИЙ¹

¹ *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

МЕЗОУРОВЕНЬ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ БУДУЩАЯ ЖЕРТВА БРИТВЫ ОККАМА?

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Цель: рассмотрение целесообразности выделения мезоуровня в экономическом анализе по аналогии с классическими микро- и макроуровнями.

Методы: качественные методы, дискурс-анализ, сравнительно-сопоставительный, обобщение.

Результаты: показано, что идея выделения мезоуровня экономических исследований с самого начала связана с эволюционно-институциональным направлением экономических исследований. Установлено, что, несмотря на игнорирование мезоэкономики со стороны ведущих экономических течений, данное понятие практически на протяжении полувека используется в экономической литературе. На основе анализа различных экономических исследований автор формулирует ответ на вопрос относительно необходимости выделения уровня мезоэкономики. Мезоуровень принимается автором как онтологическое пространство формирования правил и их институционализации. Введение понятия мезоуровня в теорию институциональных реформ может быть оправдано необходимостью развития последней. Критическим вопросом теории институциональных реформ является проблема имплементации реформ в устоявшуюся институциональную среду. Мы полагаем, что основные процессы искажения внедряемых норм, способствующие формированию неэффективных институциональных состояний, разворачиваются именно на теоретическом мезоуровне. Понимание этих связей может способствовать формированию более эффективных стратегий, учитывающих риски мезоэкономики.

Научная новизна: в статье одним из первых поставлен вопрос о целесообразности введения в оборот понятия мезоуровня экономического анализа с точки зрения теории реформ.

Практическая значимость: полученные автором результаты полезны для дальнейшего развития мезоэкономической теории, а также формирования теории реформ.

Ключевые слова: экономическая теория; институциональный дизайн; экономические реформы; экономическая политика; мезоэкономика; мезоуровень; мезоинституты

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волинский А. И. Мезоуровень в экономических исследованиях: необходимость или будущая жертва бритвы Оккама? // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 667–682. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682>

The scientific article

A. I. VOLYNSKII¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MESOLEVEL IN ECONOMIC RESEARCH: NECESSITY OR A FUTURE PRICE FOR OCKHAM'S RAZOR?

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
Address: 32 Nakhimovskiy prospect, 117218 Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Objective: to consider the feasibility of partitioning the meso-level in economic analysis alongside with the classical micro- and macro-levels.

Methods: qualitative methods, discourse analysis, comparative analysis, generalization.

Results: it is shown that the idea of partitioning the meso-level in economic research is from the very beginning associated with the evolutionary and institutional direction of economic research. It is established that, despite the ignoring of meso-economics by the leading economic trends, this concept is being applied in the economic literature for almost half a century. Based on the analysis of various economic studies, the author formulates an answer to the question about the need to partition the level of meso-economics. The meso-level is understood by the author as an ontological space for the rules formation and institutionalization. The introduction of the meso-level concept in the theory of institutional reforms can be justified by the need to develop the latter. A critical issue in the theory of institutional reforms is the problem of implementing reforms in the established institutional environment. We believe that the main processes of distortion of the implemented norms that contribute to the formation of inefficient institutional states unfold precisely at the theoretical meso-level. Understanding these relationships can lead to more effective strategies that take into account the risks of meso-economics.

Scientific novelty: the article is one of the first to raise the question of feasibility of introducing the meso-level concept into economic analysis from the viewpoint of the theory of reforms.

Practical significance: the results obtained by the author are useful for further development of meso-economic theory, as well as for the formation of the theory of reforms.

Keywords: Economic theory; Institutional design; Economic reforms; Economic policy; Meso-economics; Meso-level; Meso-institutes

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii A. I. Mesolevel in economic research: necessity or a future price for Ockham's razor?, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 4, pp. 667–682 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682>

Введение

Отправной точкой представленной статьи является вопрос о целесообразности выделения так называемого мезоуровня экономического анализа, промежуточного между классическими микро- и макроуровнями. По мере появления публикаций, авторы которых обращаются к понятию мезоэкономики или мезоуровня, вопрос о необходимости введения в понятийный аппарат экономической науки нового термина встает со своей неизбежностью: откроет ли он некие новые возможности для описания экономической реальности или, спустя какое-то время, мезоэкономика станет очередной жертвой бритвы Оккама? Наша работа – не первая в своем роде. В начале 2019 г. в журнале «Вопросы экономики» вышла статья А. Е. Шаститко «Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований?» [1], в которой аналогичный по духу вопрос был задан в отношении так называемых мезоинститутот – частного случая использования мезоуровня в экономическом анализе.

История мезоэкономики насчитывает уже не одно десятилетие. Так, М. С. Круглова датирует первое упоминание термина «мезоэкономика» (*mesoeconomic*) 1962 г. [2, с. 25]: Карл А. Виттфогель использовал его в своей работе *Agrarian Problems and the Moscow-Peking Axis* в отношении регионального уровня управления аграрным сектором экономики в СССР и маоистском Китае [3, р. 686]. Российская традиция моложе: согласно данным РИНЦ, впервые термин «мезоэкономика» был использован в публикации от 1998 г. [4]¹. Однако, несмотря на долгосрочность употребления понятия, мезоэкономика – все еще «экзотика для современных экономистов» [6, с. 5]. Мезоэкономику не критикуют², ее, скорее, игнорируют: число работ по данной теме сравнительно мало³. Это можно объяснить погруженностью

мезоэкономических исследований в контекст гетеродоксальных течений, прежде всего, институционально-эволюционного направления, представители которого с большей готовностью склонны применять понятие мезоуровня в своих исследованиях [9, с. 28]: численность сторонников гетеродоксии по определению не может оказаться высокой, а гетеродоксия и мейнстрим тяготеют к принципиальной взаимоизоляции [10, с. 11–12], что дополнительно сужает круг возможных исследователей. Но одними лишь отсылками к малочисленности сторонников экономической гетеродоксии слабый интерес к мезоэкономике объяснить нельзя: как справедливо указывает В. И. Маевский, индифферентны к ней и авторы такого издания, как *Journal of Evolutionary Economics* [11, с. 21]⁴.

Мы имеем дело с противоречивой ситуацией: с одной стороны, мезоэкономику игнорируют подавляющее большинство экономистов двух магистральных направлений – мейнстрима и гетеродоксии. С другой – это понятие уже на протяжении практически полувека появляется в экономической литературе, более того, отдельные авторы в разные годы возлагали на мезоэкономику большие надежды. Если бы не последние обстоятельства, уже сейчас мезоэкономику стоило бы предать забвению. Однако такое решение проблемы как минимум несправедливо. Полвека существования понятия и относительно стабильный характер его появления в исследованиях подталкивают к тому, чтобы задаться вопросом: насколько мезоэкономика в самом деле не нужна (или, напротив, нужна) экономической науке.

Таким образом, целью своего исследования мы видим поиск ответа на простой вопрос: что нового мезоэкономика может привнести в экономическую теорию. Дальнейшее исследование будет построено

¹ Подробнее об истории мезоэкономики см. [2, 5].

² Нам известно крайне мало работ, в которых бы мезоэкономика была подвергнута целенаправленной критике. Среди таковых см., например, [7, 8].

³ Так, по состоянию на июнь 2020 г. в базе данных РИНЦ по поисковому запросу «мезоэкономика» система обнаруживает 398 публикаций за все время. Если смотреть годовые показатели для последних пять лет, то они следующие: 2015 г. – 31 датированная этим годом и загруженная в базу РИНЦ публикация, 2016 г. – 51, 2017 г. – 53, 2018 г. – 48, 2019 г. – 26. Для сравнения,

по запросу «макроэкономика» с годом выхода 2015 база данных РИНЦ обнаруживает 435 публикаций, по запросу «микроэкономика» за этот год – 212.

⁴ Отметим, впрочем, что в количественном выражении ситуация не столь трагична: по состоянию на август 2020 г. по поисковому запросу для журнала *Journal of Evolutionary Economics* на портале издателя *springer.com* поисковая машина выдавала 80 результатов на запрос *meso*, 1 – на запрос *mesolevel*, 4 – для *mesoeconomics* (для сравнения: 355 – для запроса *micro*, 10 – *microlevel*, 1 137 – *microeconomics*). Несмотря на ощутимый разрыв, говорить о полном игнорировании проблемы все же трудно.

следующим образом. В первой части мы охарактеризуем основные направления, в русле которых проводятся исследования, опирающиеся на понятие мезоэкономики, ключевым из которых мы полагаем институциональное: из него можно вывести представление о мезоуровне в экономике как о пространстве формирования, распространения и институционализации правил. Во второй части исследования обратимся к идее институциональных изменений и институциональных реформ, рассмотрим возможности влияния мезоэкономики на теорию реформ: если мезоэкономика предполагает рассмотрение возникновения институтов как динамического процесса, то логичной точкой приложения теории можно считать концепции институциональных реформ.

Результаты исследования

1. Основные направления мезоэкономических исследований. Институциональная мезоэкономика

В своем базовом виде идея мезоэкономики может быть сформулирована как утверждение о необходимости перехода от бинарной микро-макро- к тринарной микро-мезо-макромодели описания экономики [12, с. 15]⁵. Однако само понятие мезоуровня трактуется достаточно широко, что становится очевидным при попытке классификации имеющегося спектра исследований по проблеме. Так, в работе 2013 г. Д. П. Фролов выделил (далее – К1) два ключевых направления мезоэкономических исследований: отраслевое и институциональное [13, с. 126]. Следующая попытка классификации (далее – К2) была предпринята в работах [2, 5, 14]. Комплекс англо- и русскоязычных исследований был рассмотрен в отдельности. Так, англоязычные публикации были выделены в следующие направления: неошумпетерианское, эволюционное и неинституциональное [14, с. 44]. В русскоязычных работах классификация определила системный подход, понимающий мезоуровень как сферу внутриотраслевого взаимодействия экономических агентов с целью гармонизации экономической системы, регионально-пространственный и институциональный [14, с. 45]. Наконец, еще одна попытка классификации была реализована в работах

[15, 16] (далее – К3). Принципиальным ее отличием от двух упомянутых выше классификаций стало то, что если в двух первых случаях мезоэкономические исследования рассматривались как сфера приложения методологии институционально-эволюционного течения экономической мысли в различных его проявлениях, то авторы этой классификации поставили перед собой амбициозную задачу: посредством своей классификации показать мезоэкономику как самостоятельную, развивающуюся во времени дисциплину. Представленная классификация выглядит следующим образом: мезоэкономика локализованных структур, мезоэкономика сетевых структур, институциональная мезоэкономика и мезоэкономика общественного воспроизводства [16, с. 10], где под первыми двумя понимаются исследования, изучающие мезоструктуры – надфирменные структуры координации от регионально-отраслевых комплексов до кластеров и платформенных рынков, а под последним – изучение на мезоуровне процессов общественного воспроизводства. Речь идет о развитии марксистской концепции переключающегося режима воспроизводства. Согласно В. И. Маевскому и соавторам, процесс переключения режимов воспроизводства и координации денежных потоков протекает именно на мезоуровне экономики (см., например, [17]).

Основываясь на приведенных примерах классификаций, можно очертить общие контуры понятий мезоуровня и мезоэкономики. Мезоуровень – это некая онтологическая категория экономического пространства [18], наполняемая исследователями экономическими объектами, не попадающими в категории микро- и макроэкономики. Различие в выборе объектов является ключевым параметром приведенных типов классификации мезоэкономических исследований. С одной стороны, речь идет о регионально-отраслевых и надфирменных комплексах (отраслевое направление в К1, системный и регионально-пространственный подходы в К2, мезоэкономика локализованных и сетевых структур в К3). Такое наполнение мезоэкономического пространства можно считать наиболее классическим: уже начиная с упомянутого выше Карла А. Виттфогеля, мезоэкономика стала ассоциироваться с региональным уровнем управления. Чуть позже, в 1968 г., вышла работа Артура Коула, где он определял мезоуровень как пространство между компаниями-производителями и промышленными

⁵ Под мезоэкономическими мы понимаем весь пласт экономических исследований, в котором упоминается мезоуровень в экономике.

секторами, в котором формируются бизнес-системы [19]. Спустя несколько десятилетий о формировании сетевых форм промышленной координации и дрейфе традиционной микроэкономической модели к мезоэкономике заговорил Стюарт Холланд в монографии «Рыночная экономика. От микро- к мезоэкономике» [20]. Еще спустя два десятилетия Пин Чэн, говоря об экономике сложности (*complexity economics*)⁶, заявил о необходимости выработки нового теоретического пространства – мезо – для обозначения сетевых структур и групповых объединений [22].

Для российских исследований регионально-отраслевой тип наполнения мезоэкономического пространства можно назвать ключевым: подавляющее большинство публикаций по мезоуровню посвящено региональным и отраслевым комплексам⁷, реже упоминаются кластеры и платформенные рынки⁸. Истоком мы полагаем две монографии, вышедшие в 2001 и 2011 гг. под редакцией Г. Б. Клейнера [24, 25]. Несмотря на то, что в самих работах регионально-отраслевой принцип упоминается лишь как часть всей концепции, именно с этими работами его принято отождествлять в России: так, из первой сотни (сортировка по дате выпуска, порядок по возрастанию в базе данных РИНЦ) работ, ссылающихся на монографию 2011 г., 58 имеют заголовки, позволяющие однозначно отнести их к исследованиям регионально-отраслевых комплексов, при этом во многих из этих работ рассматриваются надфирменные комплексы (прежде всего кластеры).

Однако определения мезоэкономики в обеих монографиях и работах самого Г. Б. Клейнера содержат более сложные характеристики самой мезоэкономики и отсылают нас ко второму, пожалуй, наиболее значимому с точки зрения экономической теории, укрупненному направлению – институциональному (институциональное в К1, неошумпетерианское, эволюционное, неоинституциональное направления, системный и институциональный подходы в К2, ин-

ституциональная мезоэкономика в К3). Мы намеренно сгруппировали все упомянутые направления в одно институциональное, так как это позволит показать основной лейтмотив совокупности попадающих в эту классификацию работ. На обсуждении доклада в Институте экономики РАН С. Г. Кирдиной-Чэндлер «Мезоуровень: новый взгляд на экономику?» [6] одним из участников дискуссии был задан вопрос: «Мезоуровень и институты – это одно и то же?» Причина происхождения вопроса ясна: из общего дискурса вокруг мезоэкономики может сложиться впечатление, что институты – это и есть объект мезоуровня, что отчасти справедливо. Однако стандартная модель институциональной теории, равно как и наиболее общее понимание смысла институтов, предполагает, что институты – это правила игры, заданные экзогенно, фактически часть целого (макроуровня) (об этом см. [26, с. 108–109; 27, с. 46–47])⁹, формирующие правила игры посредством создания системы стимулов и запретов для ограничения последствий оппортунистического поведения со стороны экономических агентов¹⁰. Иными словами, институты – некая постоянная, практически неизменная переменная, создающая внешнюю для агентов среду¹¹. Институциональная мезоэкономика, напротив, рассматривает институты не как фактор, цель ее рассмотрения – факторы и механизмы, влияющие на становление институтов. Исчерпывающе это выразил Г. Б. Клейнер: «Фактически изучение мезоэкономических структур эквивалентно изучению институтов... Мезоэкономика – естественное поле формирования и действия экономических институтов» [12, с. 16]. Такое понимание мезоэкономики можно считать общим как для российских, так и для англоязычных исследований в этой области. Дальнейший водораздел происходит

⁶ Подробнее о связи мезоэкономики и экономики сложности см. [21].

⁷ Подтверждением тому может служить статистика публикаций в «Журнале экономической теории» в рубрике «Мезоэкономика»: 27 из 29 публикаций, вышедших с 2016 г. в этой рубрике, посвящены регионально-отраслевым комплексам [16, с. 11].

⁸ Обзор проблемы идентификации объектов мезоэкономики в российской литературе см. [23].

⁹ Наше утверждение может показаться излишне упрощающим новую институциональную экономическую теорию (далее – НИЭТ). В частности, Д. Норт не обходил стороной вопрос формирования институтов. В данном случае мы говорим о широком восприятии понятий НИЭТ в экономическом дискурсе.

¹⁰ По вопросу дискуссии о связи понятий правил (*rules*) и институтов, а также ограничительной и запретительной семантике правил, создающих посредством ограничений допустимые стимулы, см. [28].

¹¹ Историчность институтов в этом смысле проявляется через их влияние на экономическое развитие, институты рассматриваются как фактор истории.

уже по линии осмысления процессов формирования институтов. Определенное представление о нем дает классификация англоязычных исследований из К2, выделяющая, напомним, следующие направления: неошумпетерианское, эволюционное и неоинституциональное. Неошумпетерианское направление связано с исследованиями К. Допфера и соавторов: в их работах мезоуровень предстает как пространство, в котором происходит развитие правила, выработанного инноватором (отсюда и отсылка к Шумпетеру), через имитацию другими агентами, превращение его из частного единичного правила в правило общее [29]. Сами механизмы принятия правила широкой популяцией агентов и установления того или иного правила как общего уже напрямую вводят мезоэкономические исследования в контекст эволюционного направления, где институты и правила, процесс их формирования описываются через категорию эндогенности: в условиях неопределенности и неполноты контрактов, агенты на уровне коллективного действия приходят к выработке правил, которые, будучи многократно повторены во все большем числе трансакций и будучи восприняты все более и более многочисленной популяцией, институционализируются¹².

Важно подчеркнуть, что регионально-отраслевой и надфирменный типы определения мезоэкономики не противоречат и не существуют отдельно от институционального. Так, В. Эльснер и соавторы говорят о структурах мезоуровня, под которыми могут пониматься кластеры, сетевые объединения и т. д. Если микроуровень для них – это агенты и их взаимодействия, то возникшая в результате многократного повторения найденных способов взаимодействий структура – это то, что может быть отождествлено с институтом, существующим и функционирующим независимо от поддерживающих его агентов и обладающим свойством эмерджентной системы, на мезоуровне [34, pp. 423–424]. Об институциональном характере взаимодействий в рамках структур кластерного типа и платформенных рынков и принадлежности их к мезоуровню экономики пишет и российский исследователь Т. Р. Гареев [35, 36]. Аналогично и Г. Б. Клейнер рассматривает регио-

нально-отраслевые комплексы в контексте изучения связей, возникающих между отдельными агентами.

Подытоживая описанное выше, скажем, что мезоэкономика как теория отталкивается от предположения о существовании промежуточного между микро- и макроуровнями мезоуровня экономики. И если микроэкономике можно определить как «изучение процессов принятия решений домашними хозяйствами и фирмами и их взаимодействия на рынке» [37, с. 774], а макроэкономике – как «изучение экономики в целом, в том числе инфляции, безработицы и экономического роста» [37, с. 774], то мезоэкономике – как пространство формирования распространения неформальных правил взаимодействия между агентами и эмерджентных структур (институтов) посредством закрепления возникших на микроуровне правил и восприятия этих правил большим числом групповых носителей¹³. Внимание к процессам формирования институтов и осознание эндогенного характера этих процессов напрямую выводит мезоэкономике на проблему институциональных изменений и институциональных реформ.

2. Теория реформ и мезоэкономика

Понятие экономических реформ многозначно. Так, в докладе *OECD Economic Policy Reforms 2019. Going for Growth* в качестве приоритетных направлений реформ указываются инфраструктурные, реформы, направленные на заботу об экологии, но для развивающихся стран рекомендуются и институциональные реформы, направленные на повышение инклюзивности основных экономических и общественных институтов [39].

Об институциональном характере теории реформ заявляет в своих работах В. М. Полтерович. Реформы он трактует как «целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» [40, с. 7]. Его авторству принадлежат теории промежуточных институтов [41, 42]

¹³ Отметим, однако, что мезоэкономика в вопросе позиционирования себя как пространства разворачивания эволюционных процессов, многократного повторения «дилеммы заключенного» и институционализации возможных исходов игры вступает в конкуренцию с микроэкономикой. Существуют примеры учебников по микроэкономике, основанных на положениях институционально-эволюционной теории [38].

¹² Вольфрам Эльснер и соавторы показывают это на основе теории игр, путем рассмотрения модели «дилеммы заключенного» [30–34].

и институциональных ловушек [43]¹⁴. Суммировав его исследования¹⁵, можно вывести следующую схему, которую мы полагаем репрезентативной в отношении концепций институциональных реформ. Рассматривая совокупность исторических примеров трансформации стран социалистического лагеря в сторону институтов рынка и выявляя причины, в частности, провала рыночных реформ в России 1990-х гг., он противопоставляет два типа реформаторских стратегий: градуалистский подход и шоковую терапию – и утверждает преимущество градуалистской стратегии. Примером последней он называет теорию промежуточных институтов, суть которой – «в создании желательного института путем <...> построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым» [41, с. 11]. Принципиальным в контексте нашего исследования является вопрос о том, что градуалистская стратегия промежуточных институтов имеет конечной целью внедрение в реформируемую среду желаемого института, иными словами, ее качественное отличие от шоковой терапии заключается только в способах реализации реформ, но не в цели.

Однако не только выбор стратегии реализации реформ, но и сам процесс выбора желаемых институтов осуществляется на уровне решений политических элит: чиновников и политиков. В пространстве политического происходит сложное сопряжение научного знания с идеологией (об этом см. [46]), из которого рождаются сформулированные цели институциональных реформ. И даже если в действительности научное знание растворяется в идеологических представлениях, прямые отсылки к нему становятся необходимым источником легитимации реформаторских стратегий. В качестве примера можно назвать Вашингтонский консенсус, подтолкнувший ряд стран социалистического блока к резкому демонтажу институтов экономического планирования и выстраиванию

рыночных институтов. Выйдя из научной среды, концепция довольно быстро стала частью политического манифеста¹⁶. И, несмотря на то, что Вашингтонский консенсус – уже часть истории, идеи о необходимости для государств, стремящихся к успешному экономическому развитию, приступить к либерализации политических и экономических институтов по-прежнему доминируют как в широком политическом дискурсе, так и в исследовательской среде¹⁷.

Выстраивание рыночных, либеральных институтов в нелиберальной среде¹⁸ создает парадокс: предполагается (оставив в стороне случаи радикальных изменений посредством революции), что инициатором реформ будет элита или группа элит, связанная и обязанная своим элитарным положением нелиберальным общественно-политическим институтам. Рождается ситуация либеральной реформы при нелиберальном режиме¹⁹.

¹⁶ Об этом см. [47]; о превращении неолиберального консенсуса из научной идеи в электоральную программу см. [48].

¹⁷ Несмотря на множественность положений экономики развития (*development economics*), институциональные трансформации представляются едва ли не ключевым фактором экономического развития. Идея необходимости перехода к либеральным институтам легитимизируется положением о том, что главным драйвером взрывного роста экономик ряда стран Западной Европы в XVII в. стал переход этих стран к институтам открытого доступа. Р. И. Капелюшников называет этот тип объяснения экономической истории исключительно через институциональный фактор «панинституционализм» [49]. Вопрос о перформативной силе панинституционализма через его влияние на реформаторские стратегии рассматривался в [50].

¹⁸ Разумеется, вопрос институциональных реформ не может быть сведен исключительно к проблеме транзита государств с нелиберальными институтами к институтам рынка. Так, вопрос институциональных реформ актуален и для стран – членов Европейского союза, и для США, т. е. государств с рыночными институтами. Однако в тех случаях вопрос институциональных реформ редко решается так болезненно, как в случаях транзита нелиберальных государств. Поэтому мы фокусируемся прежде всего на проблеме либеральных реформ в нелиберальных режимах.

¹⁹ Так называется монография Стивена Уильямса (*Liberal reform in an illiberal regime*), в которой он рассматривает столыпинскую земельную реформу, нацеленную на создание института частной собственности на землю в условиях царизма. Автор приходит к выводу, что предоставление права частной собственности крестьянам носило неполный характер, право частной собственности на землю и соответствующие рыночные свободы и правовые возможности в итоге не носили исчерпывающего характера [51].

¹⁴ Теорию институциональных ловушек можно назвать наиболее любимой российскими исследователями. Категорию институциональных ловушек, т. е. стабильных, но неэффективных институциональных норм, следование которым может быть выгодно определенным стейкхолдерам, но приносить ущерб всему обществу, используют и в более широком, чем экономическое, поле исследований: так, она оказалась применима к исследованию дистанционного высшего образования в условиях самоизоляции [44].

¹⁵ Ранее мы уже предпринимали подобную попытку: [45].

Если рассматривать условный панинституционализм в лице двух классических исследований [52, 53], процесс перехода от порядков, используя терминологию Норта, Уоллиса и Вайнгаста (далее – НУВ), ограниченного доступа к порядкам свободного доступа, становится возможным благодаря соответствующему выбору элит (речь идет о постепенном создании пороговых условий для институционального перехода). В концепциях панинституционализма институты как таковые являются консенсусным выбором элит относительно вопроса перераспределения рент (через институты закрепляется определенное выгодное для элитарных групп равновесие)²⁰. Трансформация институтов происходит вследствие соответствующего решения элит. Это провоцирует ограниченный исключительно экономическим измерением характер реализации реформ: рыночные институты внедряются вне институтов демократических выборов, а сами реформы характеризуются авторитарным характером их реализации. Например, речь может идти о Сингапуре периода правления Ли Куан Ю²¹ или Южной Кореи времен Пак Чон Хи. Авторитарный характер реализации стратегии рыночных реформ сокращает доступные горизонты экономической либерализации. Так, АР полагают, что своими экономическими успехами Китай обязан исключительно внедрению либеральных (инклюзивных) институтов, но уверены, что при условии сохранения авторитаризма Коммунистической партии Китая в скором времени наступит предел экономических реформ и развития [52, р. 441]. В своем предсказании исследователи не одиноки: мысль об ограниченном характере рыночных реформ в Китае и откате назад, к усилению государственного влияния на экономику, – общий пункт множества публикаций [56–58]. В данном случае мы говорим о политическом противоречии: внедрение элементов рынка в экономику, что может казаться выгодным для элит, так как рынок воспринимается как фактор,

гарантирующий экономический рост, означает определенную либерализацию общественно-политической жизни, а это уже становится неприемлемым, так как создает риск для элит утраты власти. Загнанные в узкие рамки поиска политического баланса реформы в самом деле не могут быть полноценными. Но это лишь первый аспект парадокса.

Второй – скорее технологический и затрагивающий более широкий круг обществ, нежели общества с нелиберальными политическими режимами. Внедряя новые формальные правила поведения, реформаторы вторгаются в среду устоявшихся неформальных правил и конвенций, что провоцирует конфликтность в отношениях между государством-реформатором в лице элит и устоявшимися правилами в обществе. Следуя НУВ, порядки открытого доступа опираются на обезличенность отношений между агентами в вопросах распределения ресурсов, тогда как порядки естественного общества с режимом ограниченного доступа строятся на личных взаимоотношениях и вмешательство реформаторов в устоявшуюся структуру взаимоотношений стимулирует рост неконтролируемого насилия. В итоге порядки открытого доступа в условиях нарушения прежнего равновесия и отсутствия государственной (государство в данном случае понимается как максимально обезличенный институт) монополии на насилие обретают витринный характер, прикрывая новое равновесие в распределении рент между элитами (об угрозах управляемого перехода к порядкам открытого доступа и имплементации отдельных либеральных институтов в нелиберальную институциональную среду см. [59])²². С другой стороны, внедряемые нормы свободных рыночных институтов могут быть негативно восприняты обществом. Речь может идти как о различных группах чиновников и менеджеров, для которых реформы несут прямую

²⁰ Пожалуй, наиболее ярким в концепции Аксемоглу и Робинсона (далее – АР) в этом смысле является исследование [54], в котором авторы сравнили институты в колониях: там, где колонизаторам было выгодно извлечение ренты из природных ресурсов, закреплялись соответствующие институты, там же, где было необходимо стимулировать частную инициативу, создавались институты, закрепляющие права собственности.

²¹ Об эффективности «тезиса Ли» в долгосрочной перспективе см. [55].

²² О парадоксе авторитарных реформ на примере Грузии см. [60]. Отмечается, что борьба с коррупцией в период правления М. Саакашвили была успешна на низовом уровне. В итоге коррупция стала привилегией элит. В условиях несовершенства правового поля и незащищенности прав собственности победа над коррупцией лишь сузила границы личных свобод. Также о том, что реформы как консенсус между элитами, стремящимися к защите прав собственности, и обществом, стремящимся к получению политических прав, не приводят к появлению либеральных демократий с защищенными гражданскими правами и низким уровнем имущественного расслоения, см. [61].

угрозу их положению²³, так и о неприятии реформ в широком общественном контексте безотносительно вопроса о перераспределении рент и полномочий: многие положения экономической теории не являются интуитивно понятными на уровне бытового здравого смысла²⁴.

Возможность негативного восприятия институциональных реформ обществом, которое в итоге может определить провал реформ, провоцируется не только логикой реализации либеральных реформ нелиберальными режимами, но и самой идеей институциональных реформ, запускаемых государством в лице реформаторов. В данном случае мы частично отталкиваемся от гоббсовской модели государства Левиафана²⁵: слабое общество, которое не способно самостоятельно решить проблему коллективных действий, нуждается в координирующей роли государства²⁶. Левиафан стремится к универсализации институциональных решений, в чем ему помогает условный панинституционализм, однозначно утверждающий, какие институты эффективны, а какие нет^{27, 28}. Однако сила и спонтанное стремление обще-

ства во всем его человеческом многообразии не может не вступать в конфликт с условным Левиафаном.

Проблема снятия конфликтности в отношениях общества и реформаторов, с одной стороны, может быть решена через стратегию промежуточных институтов, постепенно трансформирующих общество и подготавливающих его к восприятию целевого института. Но промежуточные институты – это стратегия сильного, трансформирующего социальную ткань общества Левиафана и саму проблему Левиафана она не снимает. Другой способ – восприятие и конструирование институтов как результата сложного социального процесса пересечения нисходящих реформаторских решений государства и восходящих решений общества. На теоретическом уровне это означает сопряжение концепций, рассматривающих институты как результат преднамеренного политического действия, и направлений, рассматривающих институты как эмерджентные структуры, возникшие в результате эволюционных процессов²⁹.

Идея рассматривать институты в динамике их развития как результат сопряжения процессов формирования спонтанно возникших новых правил и восприятия обществом конституирующих правил макроуровня исторически свойственна дискурсу вокруг мезоэкономики. Так, в 1992 г. Фрэнсис Стюарт ввела категорию мезоуровня, позволяющую оценить, какие имущественные и гендерные группы ощущают наибольшее воздействие в процессе реформ [68]. Другой, более известный пример, – уже упомянутая нами концепция мезоинститутов Клода Менара и соавторов [69] (также о возможностях применения концепции мезоинститутов в теории институционального дизайна см. [70]). На примере рассмотрения систем управления доступа к питьевой воде Менар с коллегами показывают необходимость создания мезоинститутов – организаций промежуточного уровня между макроуровнем решений правительственного регулятора и/или законодателя и микроуровнем экономических агентов, отвечающих за имплементацию

²³ Например, о негативном восприятии реформ на разных уровнях социальной иерархии в послевоенной Японии и поиске политических компромиссов см. [62].

²⁴ О результатах исследования, доказывающего связь между наличием экономического образования и позитивным восприятием рыночных институтов, см. [63].

²⁵ В теории Гоббса сам Левиафан есть результат общественного договора в целях предотвращения «войны всех против всех», но дальнейшее существование Левиафана в меньшей степени зависит от самого общества и его способности к коллективному действию.

²⁶ Интересно, что последняя работа AP рассматривает историю человечества через призму аллегории Левиафана: успех общества определяется способностью сдерживать Левиафана в определенных рамках. Развитие без него невозможно, но необузданность Левиафана также вредна [64].

²⁷ Еще раз подчеркнем, что, говоря о панинституционализме, мы имеем в виду определенное восприятие концепции, а не сами работы НУВ и AP. Так, в работах НУВ не единожды повторяется тезис о том, что механическое заимствование институтов из одного социального порядка в другой может привести к проигрышу общества.

²⁸ О связи модели государства Левиафана и универсальных институциональных решений, вытекающих из экономических моделей, легко доступных чиновникам, см. классическую работу Элинора Остром [65, с. 35–46]. Так, она подчеркивала, что при решении трагедии общин естественным выбором чиновников становится либо утверждение государственной собственности,

либо частной в отношении тех природных объектов, которые исторически считались общей собственностью. Ее исследования показали, что такое бесспорное с точки зрения экономической теории решение на практике часто ведет к усугублению проблемы общих ресурсов.

²⁹ О сравнении теорий см. [66, 67].

новых правил в местную реформируемую среду посредством адаптации правил макроуровня к условиям самой среды и анализа реакции среды на проводимые реформы.

Не только западной англоязычной, но и российской традиции мезоэкономики изначально был свойственен поиск практического приложения концепции в контексте проблемы институциональных реформ. Однако если для западных исследователей ключевой точкой является вопрос совмещения восприятия институтов как результатов политических решений и как спонтанно сформированных эмерджентных структур в контексте институциональных реформ, то интерес российских авторов к мезоуровню, согласно Г. Б. Клейнеру, был обусловлен самоустранением в 1990-е гг. института централизованного экономического планирования: в условиях отсутствия навыков формирования горизонтальных связей у экономических агентов и осознанного демонтажа вертикальных связей со стороны макрорегулятора экономика распалась на отдельные «слабо связанные анклавы» [12, с. 13–15]. Это и предопределило, согласно Г. Б. Клейнеру, экономический спад. На мезоэкономике были возложены надежды стать пространством формирования агентами правил взаимодействия, способствующих экономическому росту, что становится очевидным даже из названия монографии 2011 г. – «Мезоэкономика развития».

Подводя итог этой части, сошлемся на работу А. У. Брайана, одного из теоретиков экономики сложности. Говоря о мезоуровне в экономике, он приводит пример дорожного движения, когда замедление скорости одного автомобиля, вызванное любыми случайными факторами, распространяется на весь дорожный поток и в итоге образуется затор – неэффективное равновесие. Мезоуровень, таким образом, становится тем пространством, на котором одни события провоцируют цепочку последствий, в итоге приводящих к фундаментальным сдвигам, а сама мезоэкономика своей целью в этом случае может обозначать изучение механизмов влияния случайных событий на фундаментальные сдвиги в системе [71]. Развивая аллегорию дорожного движения, возможность связи мезоэкономики и теории реформ можно определить следующим образом: если мы знаем механизмы влияния случайных событий на систему, то сможем смоделировать механизм влияния неслучайного собы-

тия (т. е. реформы) на эту систему и, исходя из этого, выработать ту или иную стратегию, которая позволит снизить риски непреднамеренных результатов реформ и тем более их отторжения обществом.

Выводы

Подводя итог, снова зададим вопрос: что нового может привнести мезоэкономика в экономическую теорию, в частности, теорию реформ? Говоря о последней, мы выделили два ее аспекта: парадокс либеральных реформ при нелиберальных режимах и более широкую проблему Левиафана, в одностороннем порядке определяющего институциональные формы существования общества. Разрешение первой проблемы действительно затруднительно в силу структуры нелиберальных политических режимов, но как может помочь мезоэкономика в проблеме всерегулирующего Левиафана? Теория реформ знает примеры признанных экономическим сообществом исследований, решающих проблему одностороннего характера институциональных реформ. Мы имеем в виду исследование Элинор Остром, теорию экономических механизмов, рандомизируемый подход в борьбе с бедностью Абхиджиты Банерджи и Эстер Дюфло, в каждом из которых по-своему утверждается необходимость признания множественности институциональных форм, необходимости соизмерения реформаторских стратегий с реалиями реформируемых сообществ и правами этих сообществ на участие в создании институтов. Одновременно и в теории институциональных изменений сильно направление изучения их как результата внутренних эволюционных процессов. Мезоэкономические исследования в свете этого не приносят в экономическую дискуссию ничего нового – идеи об эндогенности институциональных трансформаций и необходимости учета этого при планировании институциональных реформ существуют и вне мезоэкономики. Но обо всех этих разработках мы размышляем скорее как о наборе разрозненных концепций, тогда как идея последовательного реформирования институтов в соответствии с неким «золотым институциональным стандартом» являет собой единый мощный концепт, влияющий на политические рекомендации международных финансовых организаций [1, с. 13]. Устойчивость концепта заключена не в плоскости научной доказуемости лежащих в его основе положений, но в самой рито-

рической структуре деления экономики на микро- и макроуровни, предполагающей фиксированную причинно-следственную связь: агенты действуют в условиях экзогенно заданной для них решениями макроэкономического регулятора институциональной среды. При этом рациональность агентов на индивидуальном уровне не означает рациональности их поведения на уровне коллективного действия, что и создает необходимость в появлении макрорегулятора. Неспособность общества к позитивному разрешению проблем коллективного действия предопределяет роль Левиафана, конструирующего новые институциональные формы. Включение в микромакроэкономическую схему мезоуровня помогло бы включить в эту схему пространство, где общество как совокупность агентов находит в себе силы к рациональному решению проблем координации. Таким образом, новаторство мезоэкономики для нас заключается не в привнесении неких новых откры-

тий в экономическую теорию, но в ее риторическом потенциале, способности указать органичное для многих исследований онтологическое пространство их приложения. Возвращаясь к аллегории Артура У. Брайана, скажем, что хорошей метафорой мезоуровня как раз и служит это «движение по шоссе». Его трудно определить как субъект микроуровня, аналогично и как субъект макроуровня, однако оно объективно существует.

Говоря о риторическом потенциале мезоэкономики, мы опираемся на исследование Дейдры Макклоски [72], показавшей, что для выживаемости экономических теорий важна не только их научная доказуемость, но и риторическая убедительность, способность к выстраиванию дискурсов. Именно в этом ключе мы видим потенциал мезоэкономики, в ее способности не столько привнести в экономику что-то новое, сколько создать некий новый дискурс, в частности вокруг теории реформ.

Список литературы

1. Шаститко А. Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-5-25>
2. Круглова М. С. Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9, № 3. С. 24–35. DOI: [10.17835/2076-6297.2017.9.3.024-035](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.024-035)
3. Wittfogel K. A. Agrarian Problems and the Moscow-Peking Axis // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 1962. № 21 (4), December. Pp. 678–698.
4. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях / М. Гельвановский, В. Жуковская, И. Трофимова // Российский экономический журнал. 1998. № 3. С. 67–78.
5. Волынский А. И. Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9, № 3. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.036-049>
6. Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 36 с.
7. Runde J. Ontology and the Foundations of Evolutionary Economic Theory: On Dopfer and Potts', General Theory of Economic Evolution // Journal of Institutional Economics. 2009. № 5 (3). Pp. 361–378.
8. Демьяненко А. Н. Мезоэкономика... теперь развития (заметки на полях книги «Мезоэкономика развития») // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 144–170. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2013.1.144-170>
9. Гареев Т. Р. Региональный институционализм: terra incognita или terra ficta? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 2. С. 27–37.
10. Куда движется современная экономическая наука?: научные доклады. М.: Институт экономики РАН, 2018. 55 с.
11. Маевский В. И. Мезоуровень и иерархическая структура экономики // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 3. С. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029>
12. Клейнер Г. Б. Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 2. С. 11–18.
13. Фролов Д. П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 122–150. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2013.4.122-150>
14. Мезоуровень экономики: теоретические основания и математическое моделирование / М. С. Круглова, А. И. Волынский, И. Л. Кирилук // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. № 1. Pp. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.1.041-054>

15. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020. 392 с.
16. Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И. Мезоэкономика в гетеродоксальной перспективе: внутридисциплинарная структура // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12, № 2. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.006-024>
17. Об одном направлении развития мезоэкономической теории / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн, Е. В. Красильникова // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. Т. 11, № 3. С. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.021-038>
18. Micro-meso-macro / K. Dopfer, J. Foster, J. Potts // Journal of Evolutionary Economics. 2004. № 14 (3). Pp. 263–279. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0>
19. Cole A. H. Meso-economics: a contribution from entrepreneurial history // Explorations in Entrepreneurial History. 1968. Vol. 6, № 1. Pp. 3–33.
20. Holland S. The Market Economy: From Micro to Meso-economics. London: Weidenfeld and Nicolson and New York: International Arts and Sciences Press, 1987.
21. Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 3. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017>
22. Chen P. Equilibrium illusion economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis // Evolutionary and Institutional Economics Review. 2008. Vol. 5, № 1. Pp. 81–127. DOI: <https://doi.org/10.14441/eier.5.81>
23. Волинский А. И. Идентификация объектов мезоуровня в русскоязычной литературе // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 3. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.040-048>
24. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия. М.: Наука, 2001. 516 с.
25. Мезоэкономика развития / под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера. Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 2011. 805 с.
26. Фролов Д. П. Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 107–140. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-107-140>
27. Гареев Т. Р. Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 45–58.
28. Остром Э. Постановка задачи исследования институтов // Экономическая политика. 2009. № 6. С. 89–110.
29. Dopfer K., Potts J. Why evolutionary realism underpins evolutionary economic analysis and theory: A reply to Runde's critique // Journal of Institutional Economics. 2010. Vol. 6, № 3. Pp. 401–413.
30. Elsner W. Why Meso? On „Aggregation“ and „Emergence“, and Why and How the Meso Level is Essential in Social Economics // Forum for Social Economics. April. 2007. № 36 (1). Pp. 1–16.
31. Elsner W. The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size // Journal of Evolutionary Economics. June 2010, Vol. 20, № 3. Pp. 445–477. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0158-4>
32. Elsner W., Heinrich T. A simple theory of ‘meso’. On the co-evolution of institutions and platform size – With an application to varieties of capitalism and ‘mediumsized’ countries // The Journal of Socio-Economics. 2009. № 38. Pp. 843–858. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.05.001>
33. Elsner W., Heinrich T. Towards ‘Meso’-Economics. On the Co-Evolution of Institutionalized Coordination, ‘Platform’ Size, and Performance. 2010.
34. The Microeconomics of Complex Economies / W. Elsner, T. Heinrich, H. Schwardt. Academic Press, 2015.
35. Гареев Т. Р. Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. 2012. № 3. С. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2012-3-1>
36. Гареев Т. Р. Платформенные рынки: место в теории развития мезоэкономических систем и вызов пространственным исследованиям // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-2>
37. Мэнкью Н. Г. Принципы Экономикс. СПб.: Питер Ком, 1999.
38. Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция / пер. с англ. К. А. Букин, А. В. Демидова и др. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 576 с.
39. Economic Policy Reforms 2019: Going for Growth. Paris: OECD Publishing, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1787/aec5b059-en>
40. Полтерович В. М. Современное состояние теории экономических реформ // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 6–45.
41. Полтерович В. М. Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ – ВШЭ, 2007. 24 с.

42. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ / Центр стратегических разработок. 2017. URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf> (дата обращения: 22.08.2020).
43. Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3. С. 5–16.
44. Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 2. С. 235–248. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>
45. Вольнский А. И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // *TERRA ECONOMICUS*, 2018. Т. 16, № 4. С. 29–40.
46. Полтерович В. М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // *Вопросы теоретической экономики*. 2017. № 1. С. 55–65.
47. *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance* / N. Serra, J. E. Stiglitz (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. 382 p.
48. Jones D. S. *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2012.
49. Капелюшников Р. И. *Contra панинституционализм: препринт WP3/2019/03* / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
50. Вольнский А. И. Панинституционализм и институциональная теория реформ // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 1. С. 21–30.
51. Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: ИРИСЭН, 2009. 332 с. (Серия «История»)
52. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N. Y.: Crown Business, 2012.
53. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* / D. C. North, J. J. Wallis, B. R. Weingast. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
54. *The Colonial Origins of Comparative Development: an Empirical Investigation* / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91, № 5. Pp. 1369–1401. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1369>
55. Knutsen C. H. Investigating the Lee Thesis: How Bad is Democracy for Asian Economies? // *European Political Science Review*. 2010. Vol. 2, № 3. Pp. 451–473. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1755773910000214>
56. Spence M. What Next for China’s Development Model? // *Project Syndicate*. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01> (access date: 22.08.2020).
57. Tepperman J. China’s Great Leap Backward // *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/10/15/chinas-great-leap-backward-xi-jinping/> (access date: 22.08.2020).
58. Xi Jinping is trying to remake the Chinese economy // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/briefing/2020/08/15/xi-jinping-is-trying-to-remake-the-chinese-economy> (access date: 15.08.2020).
59. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности / Д. Норт, Д. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст // *Вопросы экономики*. 2012. № 3. С. 4–31. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-4-31>
60. Серегин О. А. Почему у Грузии не получилось? // *Портал НИУ ВШЭ*. URL: <https://www.hse.ru/news/community/65552421.html> (дата обращения: 15.08.2020).
61. Sharun W. M., Rodrik D. The Political Economy of Liberal Democracy // *The Economic Journal*. 2020. Vol. 130, № 627. Pp. 765–792. DOI: <https://doi.org/10.1093/ej/ueaa004>
62. Motoshi Suzuki. *Globalization and the Politics of Institutional Reform in Japan*. Edward Elgar Publishing, 2016.
63. Vranceanu R., Barthélemy J. Knowledge in Economics and Economic Reform: An Analysis of Survey Data from a French Business School // *Revue économique*. 2012. Vol. 63, № 6. Pp. 1193–1208. DOI: <https://doi.org/10.3917/reco.636.1193>
64. Acemoglu D., Robinson J. A. *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. New York: Penguin Press, 2019.
65. Остром Э. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности* / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с. (Серия «Экономика»)
66. Kingston Christopher, Caballero Gonzalo. Comparing Theories of Institutional Change // *Journal of Institutional Economics*. 2009. Vol. 5. № 2. Pp. 151–180. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1744137409001283>
67. Caballero Gonzalo, Soto-Oñate David. The Diversity and Rapprochement of Theories of Institutional Change: Original Institutionalism and New Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. 2015. № 49 (4). Pp. 947–977.
68. Stewart F. Can Adjustment Programmes Incorporate the Interests of Women? // *Women and Adjustment Policies in the Third World* / eds.: Afshar and Dennis. 1992. Pp. 13–45.
69. Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions / C. Menard, A. Jimenez, H. Tropp // *Water International*. 2018. Vol. 43, № 1. Pp. 13–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/02508060.2017.1405696>

70. Круглова М. С. Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 3. С. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.049-057>

71. Брайан А. У. Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления // *TERRA ECONOMICUS*, 2015. Т. 13. № 2. С. 15–37.

72. Макклоски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. / пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения, факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.

References

1. Shastitko A. E. Meso-institutions: Proliferating essences or evolving economic research programme?, *Voprosy Ekonomiki*, 2019, No. 5, pp. 5–25 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-5-25>
2. Kruglova M. S. Meso-economic theory in english-scientific literature, *Journal of Institutional Studies*, 2017, Vol. 9, No. 3, pp. 24–35 (in Russ.).
3. Wittfogel K. A. Agrarian Problems and the Moscow-Peking Axis, *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*, 1962, No. 21 (4), December. Pp. 678–698 (in Russ.).
4. Gelvanovsky M., Zhukovskaya V., Trofimova I. Competitiveness in micro, meso- and macrolevel measurements, *Russian Economic Journal*, 1998, No. 3, pp. 67–78 (in Russ.).
5. Volynskii A. I. Mesolevel as object of research in the scientific economic literature of contemporary Russia, *Journal of Institutional Studies*, 2017, Vol. 9, No. 3, pp. 36–49 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.036-049>
6. Kirdina-Chandler S. *The Meso Level: A New Look in Economics? Working paper*, Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017, 36 p. (in Russ.).
7. Runde J. Ontology and the Foundations of Evolutionary Economic Theory: On Dopfer and Potts', General Theory of Economic Evolution, *Journal of Institutional Economics*, 2009, No. 5 (3), pp. 361–378 (in Russ.).
8. Demyanenko A. N. Meso-economics... is now about development (Notes on the Margins of the Book “Meso-economics of Development”), *Spatial economics*, 2013, No. 1, pp. 144–170 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2013.1.144-170>
9. Gareev T. R. Regional institutionalism: terra incognita or terra ficta?, *Journal of Institutional Studies*, 2010, No. 2, pp. 27–37 (in Russ.).
10. *Where is current economics moving?: Working papers*, Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018, 55 p. (in Russ.).
11. Maevsky V. I. Mesolevel and hierarchical structure of the economy, *Journal of Institutional Studies*, 2018, No. 10 (3), pp. 18–29 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029>
12. Kleiner G. B. Meso-economic problems of the Russian economy, *The economic bulletin of the Rostov State University*, 2003, Vol. 1, No. 2, pp. 11–18 (in Russ.).
13. Frolov D. P. Multilevel hierarchy of economic space: formation of evolutionary taxonomy, *Spatial Economics*, 2013, No. 4, pp. 122–150 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2013.4.122-150>
14. Kruglova M. S., Volynskii A. I., Kirilyuk I. L. Meso-level of economy: theoretical approaches and math modeling, *Journal of Institutional Studies*, 2019, No. 1, pp. 41–54 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.1.041-054>
15. *Meso-economics: elements of a new paradigm*, V. I. Maevsky, S. G. Kirdina-Chandler (eds.). Moscow: IERAN, 2020 (in Russ.).
16. Kirdina-Chandler S. G., Maevsky V. I. Meso-economics from the Heterodox Perspective and Its Structure, *Journal of Institutional Studies*, 2020, Vol. 12, No. 2, pp. 6–24 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.006-024>
17. Maevsky V. I., Malkov S. Yu., Rubinstein A. A., Krasilnikova E. V. On One Direction of Development of the Meso-economics, *Journal of Institutional Studies*, 2019, Vol. 11, No. 3, pp. 21–38 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.021-038>
18. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro, *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, No. 14 (3), pp. 263–279. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0>
19. Cole, A. H. Meso-economics: a contribution from entrepreneurial history, *Explorations in Entrepreneurial History*, 1968, Vol. 6, No. 1, pp. 3–33.
20. Holland S. *The Market Economy: From Micro to Meso-economics*, London, Weidenfeld and Nicolson and New York: International Arts and Sciences Press, 1987.
21. Kirdina-Chandler S. G. Meso-economics and complexity economics: going beyond the limits of economic orthodoxy, *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 6–17 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017>
22. Chen P. Equilibrium illusion economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis, *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 2008, Vol. 5, No. 1, pp. 81–127. DOI: <https://doi.org/10.14441/eier.5.81>

23. Volynskii A. I. The mesolevel objects identification: Russian-language publications analysis, *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 40–48 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.040-048>
24. *Meso-economics of the transition period: markets, industries, enterprises*, Moscow: Nauka, 2001. 516 p. (in Russ.).
25. *Meso-economics of Development*, G. B. Kleiner (ed.), Moscow, Nauka, 2011 (in Russ.).
26. Frolov D. P. Post-institutionalism: Beyond the institutional mainstream, *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 5, pp. 107–140 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-107-140>
27. Gareev T. R. Institutions and economic development at the sub-regional (meso-) level, *Social sciences and modernity*, 2010, No. 5, pp. 45–58 (in Russ.).
28. Ostrom E. Agenda for the Study of Institutions, *Economic policy*, 2009, No. 6, pp. 89–110 (in Russ.).
29. Dopfer K., Potts J. Why evolutionary realism underpins evolutionary economic analysis and theory: A reply to Runde's critique, *Journal of Institutional Economics*, 2010, Vol. 6, No. 3, pp. 401–413.
30. Elsner W. Why Meso? On „Aggregation“ and „Emergence“, and Why and How the Meso Level is Essential in Social Economics, *Forum for Social Economics*, April, 2007, No. 36 (1), pp. 1–16.
31. Elsner W. The process and a simple logic of 'meso'. Emergence and the coevolution of institutions and group size, *Journal of Evolutionary Economics*, June 2010, Vol. 20, No. 3, pp. 445–477. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0158-4>
32. Elsner W., Heinrich, T. A simple theory of 'meso'. On the co-evolution of institutions and platform size – With an application to varieties of capitalism and 'mediumsized' countries, *The Journal of Socio-Economics*, 2009, No. 38, pp. 843–858. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.05.001>
33. Elsner W., Heinrich, T. *Towards 'Meso'-Economics. On the Co-Evolution of Institutionalized Coordination, 'Platform' Size, and Performance*, 2010.
34. Elsner W., Heinrich T., Schwardt H. *The Microeconomics of Complex Economies*, Academic Press, 2015.
35. Gareev T. R. Clusters in the institutional projections: on the theory and methodology of local socioeconomic development, *The Baltic Region*, 2012, No. 3, pp. 7–33 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2012-3-1>
36. Gareev T. R. Platform markets: their place in the theory of mesoeconomic system: development and a challenge to spatial studies, *The Baltic Region*, 2018, Vol. 10, No. 2, pp. 26–38 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-2>
37. Mankiw N. *Gregory Principles of Economics*, Saint Petersburg, Piter Com, 1999 (in Russ.).
38. Bowles S. *Microeconomics: Behavior, Institutions, and Evolution*. Moscow, Delo, 2010, 576 p. (in Russ.).
39. *Economic Policy Reforms 2019: Going for Growth*, Paris, OECD Publishing, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1787/aec5b059-en>
40. Polterovich V. M. The current state of the theory of economic reforms, *Spatial economics*, 2008, No. 2, pp. 6–45 (in Russ.).
41. Polterovich V. M. *Strategies of institutional reforms, or The art of reforms*, Preprint WP10/2007/08, Moscow, GU – HSE, 2007, 24 p. (in Russ.).
42. *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*, The Center for Strategic Research (CSR), 2017, available at: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf> (access date: 22.08.2020) (in Russ.).
43. Polterovich V. M. Institutional traps: is there a way out?, *Social Sciences and Contemporary World*, 2004, No. 3, pp. 5–16 (in Russ.).
44. Volchik V. V., Shiraev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 2, pp. 235–248 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>
45. Volynskii A. I. Institutional design and theory of reforms in the Russian economic discourse, *TERRA ECONOMICUS*, 2018, Vol. 16, No. 4, pp. 29–40 (in Russ.).
46. Polterovich, V. M. Designing the strategies for socio-economic development: science vs ideology, *Theoretical Economics*, 2007, No. 1, pp. 55–65 (in Russ.).
47. Serra N., J. E. Stiglitz (eds.). *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*, Oxford: Oxford University Press, 2008, 382 p.
48. Jones D. S. *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*, Princeton; Oxford, Princeton University Press, 2012.
49. Kapeliushnikov R. I. *Contra Pan-institutionalism*, Working paper WP3/2019/03, Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2019 (in Russ.).
50. Volynskii A. I. Pan-institutionalism and economic reforms, *Theoretical Economics*, No. 1, 2020, pp. 21–30 (in Russ.).
51. Williams S. F. *Liberal Reform in an Illiberal Regime: The Creation of Private Property in Russia, 1906–1915*, Moscow, IRISSEN, 2009, 332 p. (in Russ.).
52. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*, N. Y., Crown Business, 2012.
53. North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009.

54. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: an Empirical Investigation, *American Economic Review*, 2001, Vol. 91, No. 5, pp. 1369–1401. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1369>
55. Knutsen C. H. Investigating the Lee Thesis: How Bad is Democracy for Asian Economies?, *European Political Science Review*, 2010, Vol. 2, No. 3, pp. 451–473. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1755773910000214>
56. Spence M. What Next for China's Development Model? *Project Syndicate*, available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01> (access date: 22.08.2020).
57. Tepperman Jonathan. China's Great Leap Backward, *Foreign Policy*, available at: <https://foreignpolicy.com/2018/10/15/chinas-great-leap-backward-xi-jinping/> (access date: 22.08.2020).
58. Xi Jinping is trying to remake the Chinese economy, *The Economist*, available at: <https://www.economist.com/briefing/2020/08/15/xi-jinping-is-trying-to-remake-the-chinese-economy> (access date: 15.08.2020).
59. North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. In the Shadow of Violence: Lessons for Limited Access Societies, *Voprosy Ekonomiki*, 2012, No. 3, pp. 4–31 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-4-31>
60. Seregin O. A. Why did Georgia fail? *HSE portal*, available at: <https://www.hse.ru/news/community/65552421.html> (access date: 15.08.2020) (in Russ.).
61. Sharun W. M., Rodrik D. The Political Economy of Liberal Democracy, *The Economic Journal*, 2020, Vol. 130, No. 627, pp. 765–792. DOI: <https://doi.org/10.1093/ej/ueaa004>
62. Motoshi Suzuki. *Globalization and the Politics of Institutional Reform in Japan*, Edward Elgar Publishing, 2016.
63. Vranceanu R., Barthélemy J. Knowledge in Economics and Economic Reform: An Analysis of Survey Data from a French Business School, *Revue économique*, 2012, Vol. 63, No. 6, pp. 1193–1208. DOI: <https://doi.org/10.3917/reco.636.1193>
64. Acemoglu D., Robinson J. A. *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*, New York, Penguin Press, 2019.
65. Ostrom E. *Governing the commons. The evolution of institutions for collective action*, Moscow, IRISEN, 2010, 447 p. (in Russ.).
66. Kingston Christopher, Caballero Gonzalo. Comparing Theories of Institutional Change, *Journal of Institutional Economics*, 2009, Vol. 5, No. 2, pp. 151–180.
67. Caballero Gonzalo, Soto-Oñate, David. The Diversity and Rapprochement of Theories of Institutional Change: Original Institutionalism and New Institutional Economics, *Journal of Economic Issues*, 2015, No. 49 (4), pp. 947–977.
68. Stewart F. Can Adjustment Programmes Incorporate the Interests of Women? In: *Women and Adjustment Policies in the Third World*, eds.: Afshar and Dennis, 1992, pp. 13–45.
69. Menard C., Jimenez A., Tropp H. Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions, *Water International*, 2018, Vol. 43, No. 1, pp. 13–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/02508060.2017.1405696>
70. Kruglova M. S. Claude Menard's meso-institution theory and its application in the institutional design, *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 49–57 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.049-057>
71. Brian A. W. Complexity economics: a different framework for economic thought, *TERRA ECONOMICUS*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 15–37 (in Russ.).
72. McCloskey Deirdre N. *The Rhetoric of Economics*, Moscow; Saint Petersburg, Publishing House of the Gaidar Institute; International Relations Publishing House, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2015, 328 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 10.09.2020

Дата принятия в печать / Accepted 12.10.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2020

© Волинский А. И., 2020

© Volynskii A. I., 2020